

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЫМИРАНИЕ ИЛИ ВОЗРОЖДЕНИЕ?

Статья посвящена исследованию такого явления, как национальное государство, и его трансформации в современных условиях, диктуемых процессами глобализации. Вестфальская система международных отношений, установившая национальное деление мира, основанное на идее неприкосновенности государственного суверенитета, в XXI веке переживает острый кризис. Многие исследователи трактуют этот факт как признак окончательного упадка национальных государств и перехода к новому мировому порядку, который уже не базируется на нерушимой с Нового времени связке «nation – state». Автор статьи доказывает, что демонтаж Вестфальской системы и отказ от национального деления мира невозможны, так как нациестроительство к XXI веку до конца не завершилось, а наднациональные институты и объединения, на которые возлагают свои надежды теоретики глобализации, носят совещательный характер и всё еще уступают по могуществу и реальной способности действовать связке «нация – государство».

**ВЕСТФАЛЬСКАЯ СИСТЕМА; НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО; ГЛОБАЛИЗАЦИЯ;
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ; НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО; ТРАНСФОРМАЦИЯ
СУВЕРЕНИТЕТА.**

Глобализация затронула все сферы социальной жизни и породила глубинную реструктуризацию социальных явлений, процессов и институтов, в том числе идеи нации и связанного с ней концепта национального государства, который был постулирован и закреплён в принципах Вестфальской системы международных отношений, возникшей в Новое время.

Вестфальская система международных отношений в XXI веке переживает острый кризис. Многие исследователи трактуют этот факт как признак окончательного упадка национальных государств и перехода к новому мировому порядку, который уже не базируется на нерушимой с Нового времени связке «nation – state».

Большая часть исследователей проблем глобализации считают, что можно ожидать радикального варианта развития событий, пред-

рекают полное исчезновение национальных государств, что предполагает трансформацию понятия «суверенитет» и передачу всех функций супранациональным объединениям, некоторые ученые более осторожны в своих предположениях и говорят лишь о дисперсии функций между национальными государствами и транснациональными акторами. Однако ни у кого не возникает сомнений в том, что роль национальных государств под влиянием глобализации изменится. Остается лишь вопрос: насколько она изменится?

Ульрих Бек, один из немецких классиков теории глобализации, понимает под ней «процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентич-

ности» [1, с. 26]. Как видно из вышесказанного, Бек лелеет надежду, что связка «нация – государство», по его мнению, являющаяся своего рода агрегатом «крепостного права», когда ты сначала принадлежишь и лишь потом выбираешь, подвергнется разрушению в эпоху второго модерна (постиндустриальное общество). Исследователь считает, что мир находится в состоянии еще не завершеного перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, от эпохи первого модерна к эпохе второго. Подобное переходное состояние характеризуется им как «общество риска». Немецкий ученый ставит во главу угла экономические предпосылки и последствия глобализации, веря, что движение глобального капитала способно полностью нивелировать национальное разграничение мира, что больше не будет существовать «своего» и «чужого», всё будет касаться всех. В глобальном мире, столкнувшемся с глобальными вызовами, даже локальные проблемы не могут и не должны решаться в национальных рамках. Любая локальная проблема потенциально может стать глобальной и освещаться на глобальном уровне, как и любая глобальная проблема может породить большое количество локальных проблем.

Энтони Гидденс говорит о переносе акцентов влияния на мировые экономические процессы с национального уровня и решений национальных политиков на наднациональные институты [3].

Френсис Фукуяма, как и У. Бек, предрекает национализму скорую смерть как отжившей старой идеологии, не коррелирующей с новым либеральным порядком. Но он скорее говорит о радикализме (в одном из его проявлений – национальном), что совсем не является сущностью национализма [7].

Амитао Этциони, Нира Ювал-Дэвис, Эрик Хобсбаум также предсказывают кончину эпохи национализма, связывая это с процессами глобализации, но эти процессы, как ни странно, лишь усиливают националистический характер проводимых политик в попытке как-то обезопасить нацию от «вторжения» представителей других этнических групп и сохранить культурные особенности входящих в состав нации этносов. Этнические меньшинства, особенно не имеющие каких-либо форм политической автономии, нуждаются в защите своих интересов

со стороны государственных институтов, ищут в государстве посредника в регулировании своих отношений с доминантным большинством населения, и потому их этнические элиты, их лидеры заинтересованы в сильном государстве, в укреплении государственных устоев.

Вместо унификации культурных парадигм или ассимиляции глобальных ценностных установок у нации наблюдается реставрация традиционных или воспринимаемых ею как традиционные псевдонорм, которые понимаются партикулярным этносом как существенные или даже сущностные. Вместо нивелирования различий, что ведет к успешной коммуникации, глобализация, наоборот, порождает новые нюансы, ведущие к большей конфронтации.

Даже если принять точку зрения У. Бека и рассматривать сложившийся миропорядок через призму экономических отношений как одних из решающих, то следует констатировать, что упразднение диады «нация – государство» невыгодно и с экономической точки зрения. Заменять эту связку любой наднациональной системой и наделять ее таким спектром полномочий и ответственностей неразумно.

Снятие экономических барьеров выгодно для больших компаний. Они получают дополнительные преференции, выходя на национальный рынок, сбывая по демпинговым ценам качественную продукцию и приводя к банкротству мелких национальных производителей, продукция которых в силу небольших масштабов производства стоит дороже. Поскольку, как показала практика, дальше получения максимальной прибыли (например, использование интенсивно загрязняющих окружающую среду производств в развивающихся странах, постоянный перенос заводов из одного региона в другой с целью сокращения издержек на производство, в частности оплату труда и т. д.) интересы транснациональных компаний (ТНК) не простираются, вряд ли можно рассчитывать на их заботу и финансирование наднациональных институтов, которые потенциально могут стать международным правительством, что усложнит ТНК жизнь. Если сейчас приматом является экономика и ТНК уходят от лавиной доли налогов, перемещаясь по миру (переводят капиталы в оффшор, пользуются низкими ценами на сырье и рабочую силу в бедных странах в обмен на антиципацию вливаний капиталов в их на-

циональную экономику), то, когда мир станет не многополярным (т. е. с централизованным управлением), все эти механизмы перестанут работать для ТНК. Можно ожидать введения более жесткого налогового законодательства, что явно не соотносится с их стремлением к увеличению прибыли.

Карл Дойч, один из классиков коммуникативистского подхода к исследованию национализма, верно замечает, что нация берет на себя не только экономические, культурные и политические функции, но и коммуникационные. Нация «подпитывается» своими этническими корнями, именно они, по мнению Дойча, «склеивают» нацию в единое целое. Наднациональным объединениям пока нечего предложить взамен. «Едва ли можно ожидать, что оно (национальное самосознание. — *Д. Ш.*) уступит место наднациональной лояльности до тех пор, пока в сфере объективной реальности не появится основа для привлекательности более широких наднациональных символов, не менее актуальных и частых в повседневной жизни индивидов и столь же существенных для их интересов, языка, коммуникаций и мыслей, как те переживания, которые привели к осознанию национальности» [5, с. 72].

Исследователи Майкл Хардт и Антонио Негри, несмотря на явную констатацию деформации понятия «национальное государство», также не спешат петь гимны наднациональным институтам. По их мнению, границы с «контурных карт» стирает абсолютная тотальность. Тотальность с большой буквы — Империя. Ученые считают, что ослабление суверенитета национальных государств совсем не означает, что суверенитет как таковой приходит в упадок. Он принял новую форму, образованную рядом национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления. Эта новая глобальная форма суверенитета и является Империей, происходит «переход от суверенного права национальных государств (и международного права, из него происходящего) к первым контурам постсовременного глобального имперского права» [8, с. 19]. Эта новая Империя пытается распространить и подчинить себе всё глобальное пространство. Она представляет собой децентрализованный и детерриториализованный аппарат управления с постоянно расширяющимися границами.

Лия Гринфельд, американский исследователь национализма, придерживается сходных взглядов на перспективы глобального пространства, высказывая утопическую идею о Соединенных Штатах Мира [4]. В ее понимании национализм связан прежде всего с демократией, т. е. с внесловным и внеклассовым равенством граждан. Исходя из этого определения, действительно, соотношение нации и всего человечества не является противоречивым, но остается неясным, какой институт внутри этой эгалитарной констелляции возьмет на себя функции управления обществом, учитывая несводимые и противоречивые интересы различных, видимо, экс-национальных на тот момент, групп. На наш взгляд, Соединенные Штаты Мира ожидает скорее тотальная анархия, а не идеальная демократия.

Концепция национального государства, даже правильнее было бы сказать государственности в ее современном понимании, сформированная в Новое время, подвергается постоянному давлению. С одной стороны, национальное государство должно противостоять процессам глобализации, сопутствующему этим процессам размытию национальных границ и постоянно доказывать право выполнять свои функции перед транснациональными организациями. С другой стороны, оно находится в бесконечной схватке с этнополитическим движением и сталкивается с радикальным проявлением этничности, которая начинает играть всё большую роль. Стремление одного из этносов к самоопределению и постулирование себя как нации не новы и укладываются в логику концепции «одна нация — одно государство».

Это приводит к противоречию: глобализация стремится отказаться от национального деления мира и демонтировать связку «нация — государство», в то же время всё больше этносов хотят актуализироваться в качестве нации и образовать собственное государство, тем самым встроившись в существующее национальное деление мира.

Нельзя сказать, что нациестроительство к XXI веку представляет собой завершённый процесс. Остается нерешенной проблема непризнанных государств. Фактически это народы, которые не успели вскочить в поезд, отошедший от перрона индустриализма в Новое время и идущий к признанию независимо-

сти. Сегодня уже нельзя безнаказанно кроить политическую карту, как это было несколько десятков лет назад (хотя бы «под шумок» деколонизации), особенно если конфликт назревает в сердце Европы. Еще не забылась ситуация в Косово, где столкнулись интересы сербских ковоаров и косовских албанцев.

Не всё гладко и в стане наций, которые сформировались «вовремя». Так, в составе каждой нации продолжают существовать недеятельные объединения, которые не лишены амбиций (притязания если не на образование независимого государства, то на изменение своего статуса в пределах существующего образования). Даже показательные в рамках нациестроительства США, по сути, не имеют единой нации и страдают от этнических и расовых стычек. В составе британской нации англичане, шотландцы и валлийцы постоянно находятся в состоянии неопределенности, и недавний шотландский референдум за независимость показал, насколько быстро может измениться геополитическая карта мира. Другим примером являются этнические конфликты в Канаде между французской провинцией Квебек и британскими территориями: Квебек дважды (1980, 1995) пытался объявить независимость и проводил референдум [2].

Всё большее влияние на мировой арене получают своеобразные наднациональные образования — союзы, организации и региональные правительства, пока, правда, являющиеся совещательным органом, что, казалось бы, должно привести к либерализации и смещению акторов, сплочению регионов и переходу, используя термины, введенные в социологической науке Фердинандом Теннисом, к *Gesellschaft* второго уровня, где рассматриваются интересы не отдельного человека, а отдельной нации, партикулярные интересы трансформировались из единичных в национальные. Тогда же, в рамках данной логики, *Gemeinschaft* второго уровня представляют собой наднациональные институты с реальными политическими и экономическими рычагами регулирования, а не только выполняющие функцию дискуссионного клуба.

Но, исходя из реалий практической политики, данные органы всё еще носят совещательный характер, и сумма всех мощностей и власти входящих в них государств не перемножается и даже не складывается. Наднациональные ин-

ституты уступают по могуществу и реальной способности действовать связке «нация — государство».

К тому же в последние несколько лет наблюдается острый национальный кризис традиционных обществ, когда в ряде, казалось бы, спокойных стран (Венгрия, Финляндия, Франция) правые (т. е. националисты) приходят к власти [6], что еще раз говорит о крахе такой же красивой, как и нежизнеспособной мультикультуралистской парадигмы.

Представляется, что нация — это не только важная составляющая практической политики, но и важный, прежде всего экзистенциальный феномен. Осознание принадлежности к нации как к определенному сообществу помогает заглушить и замаскировать заброшенность в мир (в терминологии Мартина Хайдеггера) и действовать в соответствии с уже разработанными и конвенциональными паттернами приспособления и коммуницирования с миром. Феномен нации позволяет ввести фигуру Другого, т. е. не принадлежащего к собственной нации, и на основании отношения к Другому строить собственную субъективность.

Еще одним фактом в пользу витальности Вестфальской системы выступают непризнанные государства, где люди отдают жизнь за признание национального суверенитета. Их будет достаточно сложно убедить «чуть-чуть подождать», пока глобализация окончательно не разрушит сложившиеся в индустриальную эпоху отношения, сотрет границы и произойдет тотальная аккультурация всеми всех.

Люди хотят производить перманентную демаркацию, и они ее производят. В реальности происходит процесс, обратный аккультурации, нежелание ассимилироваться, результатом которого является притязание этноса на создание собственной нации-государства. Если бы реальные политические акторы видели в нациях только атавизм, доставшийся от индустриальной эпохи, в мире не существовало бы столько очагов ожесточенной борьбы за признание государственной самостоятельности (от Южной Осетии и Нагорного Карабаха до Сомалиленда). Процесс разламывания цельного полиэтнического государства юридически подкрепляется доводами о праве наций на самоопределение.

Одна из самых значимых на данный момент наднациональных организаций — ООН

на современном этапе своего развития не способна решить коллизию в собственном уставе. Имеется в виду коллизия между принципом нации на самоопределение (статья 1 принятой ООН Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, 1960) и принципом территориальной целостности (статья 6 той же декларации).

По мнению Юргена Хабермаса, право на гражданские права неосуществимо вне контекста этнической нации, обладающей независимостью, а так как существующие наднациональные институты показали свою несостоятельность, нынешняя национально-государственная модель общества (или первый модерн) имеет все шансы выстоять под натиском глобализации.

Образ нации-государства как стареющего Левиафана, неуклюжего среди бесславных структур прошлого, опровергается готовностью внедрять новые разнообразные админи-

стративные техники, например электронные информационные хранилища, другие формы бестелесного (внетелесного) надзора (наблюдения). Структуры не превращаются в дезорганизованные, децентрализованные микропрактики, а наоборот, структуры праксиса (modes of practice) изменяются.

Несмотря на то что Вестфальская система международных отношений переживает в XXI веке острый кризис, на наш взгляд, ее демонтаж и отказ от национального деления мира невозможны ни из онтологических соображений (нация явно вводит фигуру Другого), ни с чисто практических инструменталистских позиций (наднациональные институты не обладают реальной независимой властью и мощью, конфликты всё равно урегулируются средствами и силами, находящимися в диспозиции партикулярных национальных государств).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
2. Брайант Н. Уроки истории для Шотландии: референдумы в Квебеке. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/multimedia/2014/09/140908_quebec_lessons_for_scotland (дата обращения: 05.09.2015).
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
4. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: Изд-во ПЭР СЭ, 2008.
5. Дойч К. Рост наций // Этнос и политика: хрест. / авт.-сост. А.А. Празаускас. М.: Изд-во УРАО, 2000.
6. Макаренко Г. Националисты и евроскептики могут усилить позиции в Европарламенте. URL: <http://top.rbc.ru/politics/07/04/2014/916299.shtml> (дата обращения: 05.09.2015).
7. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ Москва, 2008.
8. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

ЩЕГЛОВА Дарья Валерьевна — аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Россия, 119991, Москва, ГСП-1, ул. Ленинские Горы, 1
e-mail: ellerden@gmail.com

D.V. Shcheglova

NATION-STATES UNDER CONDITIONS OF GLOBALIZATION: EXTINCTION OR REVIVAL?

This article is devoted to research the phenomenon of the nation-state and its transformation in modern conditions dictated by the processes of globalization. Westphalian system, which established a national division of the world based on the idea of the state sovereignty inviolability, is experiencing an acute crisis in the XXI century. Many researchers interpret this fact as a sign of the nation-states final decay and the transition to a new world order no longer based on the concept of nation-states. The author argues that the dismantling of the Westphalian State system and the abandonment of the National Division is not possible since nation-building has not been fully completed in the XXI century; also supranational institutions and alliances, which theorists of globalization anchor their hopes, are consultative and still inferior to the power of nation-states.

WESTPHALIAN SYSTEM; NATION-STATE; GLOBALIZATION; TRANSNATIONAL INSTITUTIONS; NATION-BUILDING; TRANSFORMATION OF SOVEREIGNTY.

REFERENCES

1. Beck U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is Globalization?]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. (In Russ.)
2. Brayant N. *Uroki istorii dlya Shotlandii: referendum v Kvebeke* [History Lessons for Scotland: Referendums in Québec]. Available at: http://www.bbc.co.uk/russian/multimedia/2014/09/140908_quebec_lessons_for_scotland (accessed 05.09.2015).
3. Giddens A. *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow, Ves' mir Publ., 2004. (In Russ.)
4. Grinfeld L. *Natsionalizm. Pyat' putey k sovremenosti* [Nationalism. Five Roads to Modernity]. Moscow, PER SE Publ., 2008. (In Russ.)
5. Deutsch K. [The Growth of Nations]. *Etnos i politika*. Moscow, URAO Publ., 2000. (In Russ.)
6. Makarenko G. *Natsionalisty i evroskeptiki mogut usilit' pozitsii v Evroparlamente* [Nationalists and European skeptics could increase power at the Europarliament]. Available at: <http://top.rbc.ru/politics/07/04/2014/916299.shtml> (accessed 05.09.2015).
7. Fukuyama F. *Velikiy razryv* [The Great Disruption]. Moscow, AST Moscow Publ., 2008. (In Russ.)
8. Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Moscow, Praksis Publ., 2004. (In Russ.)

SHCHEGLOVA Darya V. – *Lomonosov Moscow State University*.

Ul. Leninskie Gory, 1, GSP-1, Moscow, 119991, Russia

e-mail: ellerden@gmail.com